

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СОБЫТИЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (1904–1905) И РЕВОЛЮЦИИ (1905–1907)

Е. А. Ледовских

*Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)*

Поступила в редакцию 1 июля 2019 г.

Аннотация: статья посвящена отношению Русской православной церкви к внешней и внутренней политике власти в начале XX в. Показано, что представители духовного сословия и верующие миряне во многом критически оценивали деятельность царского правительства, несмотря на официальную позицию церкви.

Ключевые слова: Русская православная церковь, государство, власть, общество, русско-японская война, революция (1905–1907), духовенство.

Abstract: the article is devoted to the attitude of the Russian Orthodox Church to the external and internal political course of power in the early twentieth century. It is shown that representatives of the clergy and faithful laymen critically evaluated the activities of the tsarist government in many respects, despite the official position of the church.

Key words: Russian Orthodox Church, state, authority, society, Russo-Japanese war, Revolution of (1905–1907), clergy.

Русская православная церковь (далее – РПЦ), как сложилось исторически, тесно контактировала с властными структурами и традиционно оказывала им поддержку. Такая позиция ведущей конфессии Российского государства объясняется в первую очередь евангельскими заветами. Так, в послании апостола Павла говорится: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога» [1]. В этой связи духовенство всегда выступало на стороне власти, если ее политика не противоречила морально-нравственным догмам и интересам самой церкви. Как справедливо замечает российский историк С. Л. Фирсов, «православные пастыри были естественными союзниками самодержавия не по принуждению, а по своему воспитанию и убеждению» [2, с. 135]. Такую позицию РПЦ занимала в историческом прошлом. Действует она и в настоящее время. Сегодня общие принципы сотрудничества главной религии страны с государством и обществом отражены в официальном документе «Основы социальной концепции Русской православной церкви» [3].

Проблеме церковно-государственных отношений в Российской империи в начале XX в. посвящены некоторые работы С. Л. Фирсова [2], М. В. Шкаровского [4], протоиерея Георгия Митрофанова [5].

Цель данной статьи – показать объективное отношение представителей духовного сословия и веру-

ющей интеллигенции к событиям, происходившим в Российской империи в начале прошлого столетия.

В статье использовались источники личного происхождения (воспоминания, дневники, письма) и материалы светской и церковной периодической печати.

В первое десятилетие XX в. Российская империя переживала серьезные потрясения как во внешней, так и во внутренней политике. Неудачная русско-японская война и последовавшая за ней революция привели к усилению кризисных явлений во всех сферах общественной и государственной жизни. РПЦ как ведущая конфессия страны стремилась поддерживать равновесие между властью и обществом. Однако это было нелегко, так как церковь сама находилась в состоянии внутреннего кризиса, связанного с господством синодальной системы управления, которая в значительной степени ограничивала ее свободу. По словам исследователя данной проблемы М. В. Шкаровского, «синодальная система лишила ее (церковь. – Е. Л.) самостоятельного голоса в обществе, уподобила приходского священника полицейскому чиновнику, который присягал служить властям, общал о политических настроениях своей паствы» [4, с. 45]. Это во многом способствовало падению авторитета священнослужителей в обществе, так как все антинародные действия царского правительства связывались с РПЦ – неизменной союзницей монархии.

Несмотря на то что православная церковь тяготилась своим подчиненным положением в государ-

стве, она была вынуждена поддерживать самодержавие и обслуживать его политические и идеологические интересы, что, в свою очередь, явилось катализатором нарастания антиклерикальных и атеистических настроений в стране. Тем не менее среди представителей духовного сословия многие были не согласны с политическим курсом власти и даже разделяли некоторые революционные идеи. Об этом свидетельствуют воспоминания и дневники священнослужителей, которым суждено было стать свидетелями и непосредственными участниками событий.

Официально РПЦ поддержала внешнюю политику власти на Дальнем Востоке, «благословила войну», организовала и возглавила патриотическое движение. Духовенство с амвонов призывало население сплотиться и подняться на защиту родины от языческого врага: «Надо отбросить нам наши мечты о мире и сделаться хоть на время воинственными, надо встать в настоящий момент кто с чем может, и кто как может против общего врага» [6, с. 1539–1548]. Во всех храмах империи был прочитан Высочайший Манифест Николая II «О войне России с Японией» с молебнами о «даровании славных побед русскому воинству» [7, л. 1]. Священнослужители щедро жертвовали на нужды армии и флота, побуждая к благотворительности все слои населения.

В церковной периодической печати оправдывалась внешнеполитическая деятельность царского правительства на Корейском полуострове: «Наше правительство употребило все средства для сохранения мира, какие только возможны. Когда же взамен всех уступок неприятель отплатил разбойническим нападением, для всех стало очевидным, что только вооруженный отпор может образумить врага. Война стала единственным и неизбежным средством к обеспечению спокойствия страны, благосостояния и жизни наших сограждан» [8, с. 262].

Такова была официальная позиция РПЦ по отношению к войне. Однако уже в первые месяцы боевых действий на Дальнем Востоке на страницах периодической печати можно встретить критические замечания в адрес внешнеполитического курса власти: «Мы не думали, что страна в 50 миллионов жителей в состоянии выставить миллионную армию, что финансы ее позволят ей выдержать продолжительную упорную войну, мы не могли предвидеть того упорства и фанатичной решимости, с которой сражаются теперь с нами японцы. Мы были наивны и оказались совершенно не подготовленными к предстоящей нам серьезной борьбе» [6, с. 1544].

И если в средствах массовой информации, в речах и в проповедях духовенство объясняло неудачи русской армии с религиозной точки зрения, рассматривая поражения как наказание за грехи: «от неверия в Бога, упадка нравственности и от бессмысленного толстов-

ского учения, не противясь злу, следуя которому сдался на капитуляцию Порт-Артур, а военные суда в постыдный плен со всем инвентарем» [9, с. 78], то известный миссионер, основатель православной церкви в Японии Николай (Касаткин) в своем дневнике 20 мая 1905 г. писал: «А русскому правительству все кажется мало, и ширит оно свои владения все больше и больше; да еще какими способами! Манчжурией завладеть, отнять ее у Китая, разве доброе дело? Ну вот и пусть теперь хвалятся своим неслыханным позором поражения. Очевидно, Бог не с нами был, потому что мы нарушили правду» [10, с. 232].

Духовенство с большим сочувствием относилось к нижним чинам, проливающим свою кровь на Дальнем Востоке. Военные священники поддерживали боевой дух армии, исполняли христианские обряды, утешали тяжелораненых в их последние часы. Участник Цусимского сражения В. И. Семенов в своих мемуарах упоминал о героическом поступке иеромонаха Назария, который, получив серьезное ранение, захлебываясь кровью, продолжал осенять окружающих Крестным Знаменем пока сам не потерял сознание [11, с. 552].

Участник русско-японского военного конфликта полковой священник Митрофан Сребрянский, несмотря на свои глубокие монархические и религиозные убеждения, с сожалением писал в дневнике: «Не знаю, как бы другая чья-нибудь армия выдержала себя здесь, сознавая, что поддержка придет очень нескоро, да и воюя-то среди чуждого народа, китайцев. А мы, “скверные, никуда не годные кое-какие”, по приговору своих и чужих судей (хотя чужие, кажется, меньше, чем свои, замечают у нас грехи и судят) все еще терпим...» [12, с. 230].

Указанные факты, безусловно, свидетельствуют об объективных и независимых от общей политической тенденции взглядах некоторых священнослужителей на войну имперской России за сферы влияния на Корейском полуострове, которая, по словам миссионера Николая Японского, являлась «нечистым актом русского правительства и привела страну к бедствию» [10, с. 233].

Таким образом, непопулярная русско-японская война ускорила и без того нарастающую революционную ситуацию в стране. Православная церковь, естественно, выступила против революции, неизменными спутницами которой были насилие, кровопролитие и полнейшая анархия.

Духовенство как в столице, так и на периферии призывало население одуматься и прекратить противоправные действия, многие представители духовного сословия пострадали во время беспорядков. Так, в Воронежской губернии вооруженной бандой грабителей было совершено несколько нападений на дома священнослужителей, в результате которых был

убит священник по фамилии Мешковский, проживающий в хуторе Бабичево Валуйского уезда [13, с. 249–250]. В Ялте от рук неизвестных погиб о. Владимир Троепольский [14, с. 388].

Меньшинство священнослужителей по примеру Георгия Гапона приняли самое деятельное участие в протестных движениях. По сведениям обер-прокурора Святейшего Синода, «встречались в рядах духовенства предатели, но они считались единицами, были колеблющиеся, сбитые с толку, шедшие на сближение с врагом, но их были сотни из всей пятидесятитысячной Христоносной рати» [15, с. 3].

Однако несмотря на неприятие большинством лиц духовного сословия революции как таковой, среди них встречались прогрессивно мыслящие люди, которые с сочувствием относились к некоторым революционным идеям. Оставаясь в лоне церкви, они не отказывались от своих убеждений, но в силу глубокого сочувствия к русскому народу поддерживали требования, направленные на улучшение жизни крестьян и рабочих. Это видно из дневников и воспоминаний не только иерархов Русской православной церкви, но и приходских сельских священнослужителей.

Так, расстрел мирной демонстрации 9 января 1905 г. вызвал непонимание и разочарование в среде духовенства и верующих мирян. Очевидец происходящего протоиерей В. Свенцицкий писал: «События 9 января застали христиан врасплох» [16, с. 40]. И если в церковной периодической печати можно встретить слова, оправдывающие чудовищный поступок царского правительства «как единственную возможность предотвратить нечто более ужасное» [17, с. 616–617], то в мемуарах митрополита Вениамина (Федченкова) отмечено следующее: «Я, человек монархических настроений, не только не радовался этой победе правительства, но почувствовал в сердце своем рану: отец народа не мог не принять детей своих, что бы ни случилось потом...» [18, с. 122–123].

Духовенство чрезвычайно волновал наболевший крестьянский вопрос о земле, так как большинство священнослужителей не понаслышке знали все тяготы крестьянской жизни. В начале XX в. многие представители духовного сословия были выходцами из сельской местности. «Никогда я не был слеп и глух к страданию народному, к неравенству и обижённости. ...Я всегда был народником, потому что был народен от рождения», – вспоминал протоиерей Сергей Булгаков [19, с. 12]. Из рассказа крестьянина А. Хренова известно о жизни детей священнослужителей, которые с детских лет наблюдали горе и страдание русского народа, что развивало в них отзывчивое отношение к окружающим [20, с. 54]. Воспитанник Тамбовской духовной семинарии Михаил Сперанский в своем дневнике писал: «Сердце так и

ноет от жалости. Какие бы козни ни придумывали барские головы – все сносили ни в чем невинные люди» [21].

В этой связи не вызывает сомнения тот факт, что большинство священнослужителей искренне считали необходимым «наделение крестьян землей в достаточном количестве» [22, с. 7]. «Он (крестьянин. – Е. Л.) должен стать во всем полноправным гражданином великой свободной России», – отмечал священник Орловской епархии Николай Михайлов [там же].

Церковь не забывала и о рабочих, называя их «несчастливыми, обманутыми тружениками», которые были вынуждены уходить из родных сел на заработки, где в силу своей наивности попадали под влияние агитаторов [17, с. 618–619]. Духовенство выступало за сокращение трудового дня и повышение заработной платы рабочих. Так, митрополит Владимир (Богоявленский) в проповедях указывал на бедственное положение рабочего люда, который «за самую лучшую и честную работу не получает надлежащего вознаграждения» [23, с. 8]. «Для честного работника труд его должен обеспечивать средства к приличному, по его званию, содержанию как его самого, так и семьи его», – говорил иерарх [там же].

Подводя итог сказанному, следует отметить, что православная церковь в начале XX в. находилась под строгим контролем государственного аппарата и была вынуждена обслуживать политические интересы царского правительства. Как показало исследование, многие представители духовного сословия несмотря на свои глубокие монархические и религиозные убеждения не одобряли внешнюю и внутреннюю политику самодержавия, однако, в силу сложившихся обстоятельств, не могли открыто высказывать свое мнение. В этом заключался весь трагизм положения Русской православной церкви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание к Римлянам св. апостола Павла. 13:1.
2. Фирсов С. Л. Церковь в империи. Очерки из церковной истории эпохи императора Николая II / С. Л. Фирсов. – СПб. : Статус, 2007. – 460 с.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – Режим доступа: <https://mospat.ru/ru/documents/social-concepts/> (дата обращения: 27.06.2019).
4. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в XX в. / М. В. Шкаровский. – М. : Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
5. Митрофанов Г., протоиерей. История Русской православной церкви 1900–1927 гг. / Г. Митрофанов. – СПб. : Статус, 2002. – 442 с.
6. Грозная нам «желтая опасность» // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1904. – № 49. – С. 1539–1548.

7. Государственный архив Тамбовской области. – Ф. 181. – Оп. 1. – Д. 2421.
8. Ансеров П. Св. Православная Церковь в отношении к войне / П. Ансеров // Орловские епархиальные ведомости. – 1904. – № 10. – С. 258–263.
9. Новые грозные слова о. Иоанна Кронштадтского, произнесенные в 1906 и 1907 годах «О Страшном поистине Суде Божиим, грядущем и приближающемся». – СПб. : Статисъ, 2000. – 95 с.
10. Дневник святителя Николая Японского : в 5 т. Т. V. – СПб. : Гиперион, 2004. – 976 с.
11. Русская Церковь. Век двадцатый. История Русской церкви XX века в свидетельствах современников : в 2 т. Т. 1. 1900–1917. Конец Синодального периода. Кн. 2 / [отв. ред. А. Богословский]. – М. : Эксмо : ПСТГУ, 2014. – 752 с.
12. Сребрянский Митрофан, протоиерей. Дневник полкового священника, служащего на Дальнем Востоке / Митрофан Сребрянский. – М. : Отчий дом, 1996. – 352 с.
13. Иконников С. А. Приходское духовенство Воронежской епархии второй половины XIX – начала XX века. Социокультурная характеристика : дис. ... канд. ист. наук / С. А. Иконников. – Воронеж, 2015. – 416 с.
14. Троепольский В., свящ. Добрые пастыри на святой Руси / В. Троепольский // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 12. – С. 387–389.
15. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. – СПб., 1910. – 572 с.
16. Свенцицкий В. П., протоиерей. Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2 / В. П. Свенцицкий. – М. : Дар, 2010. – 752 с.
17. Новое зло // Тамбовские епархиальные ведомости. – 1905. – № 13. – С. 615–622.
18. Федченков Вениамин, митр. На рубеже двух эпох / Вениамин Федченков. – Можайск : Отчий дом, 1994. – 448 с.
19. Булгаков С. Н. Автобиографические заметки / С. Н. Булгаков. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 138 с.
20. Манчестер Л. Поповичи в миру : духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Л. Манчестер. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.
21. Дневники воспитанника Тамбовской духовной семинарии Сперанского Михаила Григорьевича (г. Тамбов, 1907). – Режим доступа: <http://krotov.info/acts/20/1900/sper1907.htm> (дата обращения: 30.07.2019).
22. Михайлов Н., свящ. Голос сельского священника об аграрном движении среди крестьян / Н. Михайлов // Орловские епархиальные ведомости. – 1906. – № 1. – С. 7.
23. Богоявленский Владимир, митр. О труде и собственности / Владимир Богоявленский. – М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1912. – 16 с.

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
Ледовских Е. А., научный сотрудник
E-mail: elena_ledovskih@mail.ru

Air Force Education and Research Center «The Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
Ledovskih E. A., Research Fellow
E-mail: elena_ledovskih@mail.ru